

SERGUEI AVERINTSEV

**VERBO DI DIO
E PAROLA DELL'UOMO.
DISCORSI ROMANI**

A CURA DI PIERLUCA AZZARO

Il libro è stampato con il sostegno di:
Dipartimento delle Relazioni Ecclesiastiche Esterne del Patriarcato di Mosca,
Fondazione «San Gregorio il Teologo»,
Fondazione «Russkiy Mir».

Publishing House of
the Moscow Patriarchate

ACCADEMIA
SAPIENTIA
ET SCIENTIA

Casa Editrice del Patriarcato di Mosca
Accademia «Sapientia et Scientia»
Sofia: Idea Russa Idea d'Europa
2013

СЕРГЕЙ АВЕРИНЦЕВ

**РИМСКИЕ РЕЧИ.
СЛОВО БОЖИЕ
И СЛОВО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ**

СОСТАВИТЕЛЬ ПЬЕРЛУКА АДЗАРО

Книга печатается при поддержке
Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата,
Благотворительного фонда святителя Григория Богослова,
Фонда «Русский мир»

Publishing House of
the Moscow Patriarchate

ACCADEMIA
SAPIENTIA
ET SCIENTIA

Издательство Московской Патриархии
Академия «Sapientia et Scientia»
София: Идея России, Идея Европы
2013

VJAČESLAV IVANOV E LA «SCHULDFRAGE»¹

«Schuldfrage» («questione della colpa»): il termine viene qui impiegato nel suo senso emblematico, nato in Germania dopo il 1945 dalla lotta per il «superamento del passato [nazista]» («Bewaeltigung der Vergangenheit»).

La lotta per il superamento del passato [comunista] ha suscitato un analogo porsi del «problema della colpa» da parte dei dissidenti sovietici anche nella Russia odierna. La questione del peccato dei simbolisti e in particolare di Vjačeslav Ivanov è stata posta con molta durezza nel pregevole e sofferto «Secondo libro» di Nadezhda Mandel'stam. Dal suo punto di vista, i simbolisti distrussero le fondamenta della «cultura cristiana», pervertirono i concetti di bene e male, preparando così quella decadenza morale che sta alla base del regime sovietico. Una tale questione, sia pur in forme diverse, viene posta abbastanza spesso.

Non è nostra intenzione sostenere che i simbolisti in generale, e in particolare Vjač. Ivanov, siano affatto innocenti e magari estranei rispetto alle catastrofi del nostro secolo. Ciò contraddirebbe il modo di pensare dello stesso poeta, il quale attribuiva eccezionale importanza all'idea di Dostoevskij sulla colpa di ciascuno davanti a tutti. La rivoluzione d'ottobre gli ispirò queste strofe:

Sì, noi abbiamo acceso questo incendio,
e la coscienza dice il vero,

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ И «SCHULDFRAGE»¹

«Schuldfrage» (нем. «проблема вины») берется нами как термин-штамп, порожденный в Германии после 1945 г. борьбой за преодоление нацистского прошлого («Bewältigung der Vergangenheit»²).

Борьба за преодоление прошлого коммунистического вызвала аналогичную постановку «проблемы вины» у советских диссидентов и в сегодняшней России. Вопрос о грехе символистов и специально Вяч. Иванова был с исключительной резкостью поставлен в талантливой, выстраданной «Второй книге» Надежды Мандельштам. С точки зрения Надежды Мандельштам, символисты пришли как разрушители устоев того, что она называет «христианской культурой», извратившие понятия о добре и зле и тем подготовившие моральное падение, без которого советский режим непонятен. Эта постановка вопроса в различных формах встречается достаточно широко.

Мы не намерены отстаивать абсолютную невинность и как бы непричастность к катастрофам века ни символистов вообще, ни специально Вяч. Иванова. Это противоречило бы прозрениям самого поэта, для которого была исключительно важна мысль Достоевского о вине каждого перед каждым. На октябрьский переворот он откликнулся строками:

Да, мы костер сей поджигали,
И совесть правду говорит,

sebbene i presentimenti non mentivano,
che in esso sarebbe bruciato il nostro cuore.

E oltre:

Chi ha aperto l'otre di Eolo:
non accusi le bufere, deponga il fariseismo...

Non vogliamo fare apologie, ma cercare la prospettiva storica «di lungo periodo» (secondo l'espressione di M. Bachtin), che ci consenta di inquadrare più adeguatamente il problema.

1.0. Quella forma di simbolismo che in Russia fu praticato con maggior coerenza e teoricamente definito da Vjač. Ivanov affonda le sue radici nel romanticismo tedesco; Vjač. Ivanov, appassionato traduttore di Novalis ed elaboratore della concezione schellinghiana di simbolo, ne era ben consapevole. Il romanticismo tedesco – sotto il cui segno si svolse un'epoca non solo della creazione artistica, ma del pensiero, in particolare del pensiero giuridico e persino di quello scientifico-naturalistico – accompagnò, così come il simbolismo russo, gli eventi rivoluzionari; il suo posto nella storia, a dire il vero, è determinato non tanto dall'aver preceduto la rivoluzione (del 1848), quanto dall'aver fatto seguito alla «Grande» rivoluzione francese e dall'averne vissuto l'esperienza.

1.1. Se noi cerchiamo di capire questa esperienza nei termini di un'etica civile, la posizione dei romantici tedeschi ci appare poco comprensibile e sospetta: per un triviale conservatorismo, in superficie, unito, a livello più profondo, al corteggiamento nei confronti delle nuove idee radicali. La Lucinda di Schlegel, gratificata dai commenti del teologo

Хотя предчувствия не лгали,
Что сердце наше в нем сгорит.

И далее:

Кто развязал Эолов мех —
Бурь не кори, не фарисействуй...

Мы не занимаемся апологиями, но ищем историческую перспективу «большого времени» (выражение М.М. Бахтина), позволяющую увидеть проблему более адекватно.

1.0. Тот вариант символизма, который в России был с наибольшей последовательностью практически реализован и теоретически кодифицирован Вяч. Ивановым, уходит своими корнями в немецкую романтику; Вяч. Иванов, любовно переводивший Новалиса и разрабатывавший концепцию символа по Шеллингу, отлично отдавал себе в этом отчет. Немецкая романтика — как известно, составившая эпоху не только в истории художественного творчества, но и в истории мысли, в частности, правовой (и даже естественно-научной), — как и русский символизм, соседствовала со стихией революции; правда, ее место в истории определяется не столько предшествованием революции (1848 г.), сколько последованием за «Великой» французской революцией и переживанием ее опыта.

1.1. Если мы попытаемся понять это переживание в однозначных терминах гражданской этики, позиция немецких романтиков предстанет малопонятной и оттолкнет нас тривиальным консерватизмом — на поверхности, заигрыванием с радикальными новыми возможностями — на глубине. «Люцинда» Шлегеля, удостоившаяся комментариев теолога романтики

romantico Schleiermacher, precorse l'ideologia della «rivoluzione sessuale» e molti spunti romantici andavano già nella direzione del femminismo, gli aspetti «conservatori» nei frammenti di Novalis sono sempre pronti a voltarsi nel loro opposto.

1.2. Il problema del romanticismo tedesco non sta nella risposta a questo o quell'evento politico, ma nel suo cogliere i movimenti «antropologici» della stessa «essenza» dell'uomo. Potremmo definire quel tipo di cultura, cui in diversa misura appartennero sia Novalis che Vjač. Ivanov, secondo una linea dominante di concentrazione sul problema antropologico, in un'epoca in cui la «essenza» dell'uomo esce dalla precedente identità con sé stessa.

1.3. Il corrispondente criterio di pensiero non può e non deve distinguersi per una grande uniformità di giudizi valutativi; si tratta infatti di movimenti e metamorfosi che avvengono nella realtà, che è inutile condannare o approvare, poiché come tali non dipendono dalla approvazione o dalla condanna di alcuno, mentre le loro attuazioni possono contenere le più diverse combinazioni di bene e di male.

2.0. Se si ritiene sia compito dello scrittore e del pensatore preammonire con voce forte e univoca i concittadini e confratelli di umanità di un concreto imminente pericolo – movendo da un punto di vista morale, civile o religioso – allora la letteratura russa del «secolo d'argento» non ha assolto molto bene a questo compito. Tuttavia questo compito, per quanto sia del tutto degno e importante, non può essere ritenuto esclusivo.

2.1. La poesia e il pensiero di Vjač. Ivanov, abbastanza lontani dalla quotidianità, spesso contenevano delle previ-

Шлейермахера, предвосхищала идеологию «сексуальной революции», очень многое в составе романтики указывало в сторону феминизма; «консервативное» в составе фрагментов Новалиса всегда готово обернуться собственной противоположностью.

1.2. Проблема немецкой романтики — не ответ на те или иные политические события, но угадывание «антропологических» сдвигов в самой человеческой «сущности». Позволительно определить тот тип культуры, к которому в равной степени принадлежали, скажем, Новалис и Вяч. Иванов, по доминирующему признаку сосредоточенности на антропологической проблеме — в эпоху, когда «сущность» человека выходит из прежнего тождества себе.

1.3. Соответствующий склад мысли не может и не должен отличаться большой однозначностью оценочных суждений; речь ведь идет о сдвигах, о метаморфозах реальности, которые совершенно бесполезно осуждать или одобрять, поскольку сами по себе они не зависят от чьих бы то ни было похвал или порицаний, а их реализации могут иметь весьма различные сочетания добра и зла.

2.0. Если видеть задачу писателя и мыслителя в том, чтобы с нравственной, гражданской или религиозной точки зрения возможно однозначнее и громче вовремя предупредить широкий круг своих сограждан и собрать по человечеству о конкретной грозящей опасности, — с этой задачей русская литература Серебряного века вообще не очень хорошо справилась. Но упомянутая задача, будучи весьма достойной и серьезной, никак не является единственной.

2.1. Поэзия и мысль Вяч. Иванова, по видимости далекие от «злобы дня», довольно часто предлагали прогнозы с большой степенью точности; например, описать

sioni molto precise; per fare un esempio, descrivere, all'epoca della prima guerra mondiale, il futuro totalitarismo tedesco e la sua componente antisemita non è stata certo cosa da poco. Questo spiega anche il fatto che importanti esponenti dell'avanguardia (V. Chlebnikov, V. Mejerchol'd) erano attirati da questo arcaicissimo arcaista.

2.2. La questione «Vjač. Ivanov e la rivoluzione» non deve essere ridotta alla più specifica questione: «Vjač. Ivanov e la rivoluzione d'ottobre» (o «Vjač. Ivanov e la rivoluzione russa»). Un pensatore che pose delle questioni che avrebbero assunto ampia attualità non tanto nella prima, quanto nella seconda metà del secolo (poniamo: la questione del nuovo ruolo della donna), non merita questo approccio provincialistico. Le idee di Vjač. Ivanov sul passaggio da un'arte «monacale» alle «orchestre» in piazza (e che ebbero molto influsso sui teorici e i praticanti dell'azione politica di massa nei primi anni dopo la rivoluzione) possono ragionevolmente correlarsi a un'ampia cerchia di fenomeni dell'arte e della vita del XX secolo. Anche se questa correlazione per qualche proposito può avere carattere di amara ironia, quando tocca parlare delle subculture «di massa» o «giovanili» e così via (si pensi peraltro alla spiritualizzazione della subcultura «giovanile» nell'opera di Taizé² e di altre comunità religiose) questa ironia sarà più significativa e adeguata che non l'immancabile chiusura della questione nell'ambito della propaganda sovietica e dell'«amatorialismo» sovietico.

2.3. La questione della «giustizia» o «erroneità» di alcuni aspetti della posizione di Vjač. Ivanov rimarrà naturalmente aperta più o meno fino al giorno del giudizio (peraltro non bisogna dimenticare che il pensiero di Ivanov

в эпоху первой мировой войны будущий немецкий тоталитаризм и его антисемитскую компоненту было вовсе не тривиально. Сюда же относится и то обстоятельство, что крупные авангардисты (В. Хлебников, В. Мейерхольд) тянулись к этому архаичнейшему из архаистов.

2.2. Вопрос «Вяч. Иванов и революция» — неправомерно сводить к более частному вопросу «Вяч. Иванов и октябрьская революция» (или даже: «Вяч. Иванов и русская революция»). Мыслитель, широко ставивший вопросы, приобретшие расхожую и тривиальную актуальность не столько в первой, сколько во второй половине столетия (скажем, вопрос о новой роли женщины), этого провинциального подхода к себе не заслужил. Взгляды Вяч. Иванова на переход от «келейного» искусства к «оркестрам» на площади (конечно, оказавшие сильное воздействие на теоретиков и практиков массового политического «действия» в первый послереволюционный период) благоразумно соотносить с очень широким кругом явлений искусства и жизни XX в. Даже если это соотношение в каких-то пунктах будет, возможно, иметь характер горькой иронии, когда придется поведи речь о «массовой» и «молодежной» субкультурах и т. п. (ср., впрочем, одухотворение «молодежной» субкультуры в практике Taizé³ и других религиозных общин), — эта ирония будет содержательнее и адекватнее, чем непременно замыкание вопроса на советской пропаганде и советской же «самодеятельности».

2.3. Вопрос о «правоте» или «неправоте» ряда аспектов позиции Вяч. Иванова, по-видимому, останется открытым едва ли не до Страшного суда (впрочем, не надо забывать, что мысль самого Вяч. Иванова чаще ставила вопросы, чем давала ответы, и что прогноз не есть еще безоговорочное одобрение прогнозируемого, а определя-

poneva delle domande più spesso di quanto non desse risposte, e che una previsione non è ancora una incondizionata approvazione di ciò che viene previsto, senza contare che il nietzschiano «*amor fati*» che informa emotivamente le previsioni di Ivanov, non si identifica affatto con l'ottimismo). In ogni caso non si può indicare ai simbolisti, come esempi da seguire, quegli autori che manifestarono una lodevole coerenza nel respingere il bolscevismo, senza però neanche immaginare l'esistenza di questioni che costituivano per Vjač. Ivanov ragione di vita (come I.A. Bunin). Per quanto riguarda l'atteggiamento di Ivanov rispetto al totalitarismo — quello russo come quello italiano — bisogna considerare i fatti, e non certe affermazioni retoriche di Berdjaev nella *Autoconoscenza*³.

3. Riconoscendo tutto il carattere morboso e catastrofico dei fenomeni del bolscevismo, del fascismo e del nazismo, non dobbiamo adottare la quantità di delitti, distruzioni e sofferenze come metro di valutazione del problema; il totalitarismo è in sostanza solo un sintomo di una più ampia crisi antropologica. Se è vero che i totalitarismi appartengono a un passato irripetibile, ciò di per sé non significa altro se non che sono stati eliminati (del che c'è solo da rallegrarsi) alcuni tormentosi sintomi della crisi, ma con la crisi ci toccherà convivere ancora a lungo ed è difficile dire come l'umanità ne uscirà; è da notare, a questo proposito, la comprensibile ma irrazionale delusione di chi ha dovuto convincersi che la libertà di per sé non elimina la crisi, ma, al contrario, la evidenzia. Perciò le idee basilari di Vjač. Ivanov mantengono la loro attualità e richiedono di essere lette in senso più ampio e meno «provinciale».

ющий эмоциональную окраску прогнозов Вяч. Иванова ницшеанский «amor fati»¹ заведомо не тождествен с оптимизмом). Во всяком случае, следует перестать ставить в пример символистам авторов, проявивших похвальную последовательность в неприятии большевизма, однако даже не догадывавшихся о существовании вопросов, которыми жил Вяч. Иванов (например, И.А. Бунина). Что касается поведения самого Вяч. Иванова перед лицом тоталитаризма — и российского, и итальянского, — мы должны исходить из фактов, а не из известного риторического пассажа Н. А. Бердяева в «Самопознании»⁵.

3. При всей болезненности и катастрофичности явлений большевизма, фашизма и нацизма мы не должны принимать объем разрушений, преступлений и страданий за содержательный масштаб проблемы; тоталитаризм есть в целом лишь симптом более широкого антропологического кризиса. Если правда, что тоталитаризмы безвозвратно отошли в прошлое, это само по себе не означает большего, нежели (весьма отрадное) снятие некоторых особо мучительных симптомов кризиса; но с кризисом нам предстоит жить еще долго (характерно неразумное, но понятное разочарование тех, кто вынужден убедиться, что свобода сама по себе не устраняет кризиса, но, напротив, выявляет его), и трудно сказать, каким выйдет из него человечество. Поэтому центральные мысли Вяч. Иванова вполне сохраняют актуальность и требуют возможно более широкого, возможно менее «провинциального» понимания.

Примечания

¹ Речь, произнесенная в Национальном Совете научных исследований в Риме, в рамках симпозиума «Эпохальное толкование истории XX века». — *Примеч. ред.*

Note

¹ Discorso pronunciato a Roma presso il Consiglio Nazionale delle Ricerche (CNR) l'8 ottobre 1994 in occasione del Simposio «L'interpretazione "epocale" della storia del XX secolo».

² Taizé: sede della comunità cristiana ecumenica fondata nel 1940 in Francia dal monaco svizzero Roger Schutz.

³ Averintsev fa riferimento, presumibilmente, alle affermazioni presenti nel capitolo 6 (*NdR*).

² «Преодоление прошлого» (нем.). – Примеч. ред

³ Тэзе, христианская экуменическая община, получившая свое имя по названию деревни Тэзе (Франция), основанная в 1940 г. братом Роже († 2005). – Примеч. ред.

⁴ «Любовь к (своей) судьбе» (лат.); Ницше использовал это выражение в своей работе «Веселая наука». – Примеч. ред.

⁵ Имеется в виду следующее высказывание о Вячеславе Иванове (гл. 6): «Он всегда поэтизировал окружающую жизнь, и этические категории с трудом к нему применимы. Он был всем: консерваторм и анархистом, националистом и коммунистом, он стал фашистом в Италии, был православным и католиком, оккультистом и защитником религиозной ортодоксии, мистиком и позитивным ученым». – Примеч. ред.